

Кабинет в доме семьи Шэнь. Окна и двери были плотно закрыты, даже светонепроницаемые шторы, которыми пользовались лишь по ночам, сейчас были задернуты.

Лань Сысы сидела перед компьютером, экран которого отливал голубоватым светом, и внимательно изучала каждую деталь изображения.

Взгляд у нее был острый, она с легкостью замечала малейшую дисгармонию на картинке и тут же указывала:

— Фильтр на этом фото не тот, меняй. И еще, на лбу слишком много выбившихся прядок, оставь только две самые выразительные, остальные не нужны, убери.

Человек, не знающий всей правды, мог бы подумать, что Лань Сысы, занимающаяся ретушью, просто очень требовательна к своей работе и стремится к совершенству. Однако, присмотревшись, можно было заметить нечто странное: Лань Сысы уже довольно долго придиралась к изображению, но к клавиатуре и мыши так и не прикоснулась.

А что еще более пугающе — картинка на экране действительно менялась в соответствии с ее требованиями.

— Этот фильтр все еще не годится, меняй дальше, — бросив в рот кусочек шоколада, безжалостно продолжала командовать Лань Сысы.

Компьютер, казалось, действительно понял ее слова и от возмущения едва не завис намертво — экран на несколько секунд погас. Но спустя мгновение он вновь послушно засветился, один за другим демонстрируя Лань Сысы различные фильтры.

В этом специальном компьютере Лань Сысы, предназначенном для обработки фотографий, обитал гуайтань.

Много лет назад, во время одной из своих «охот», Лань Сысы наткнулась на этого гуайтаня. Сначала она собиралась его проглотить, но, обнаружив, что его способности могут быть полезны для ее работы, решила оставить его в качестве подручного.

Этот гуайтань существовал за счет фотографий, порожденный человеческой одержимостью идеей создания идеального снимка. Когда человек тратил на ретушь определенного фото достаточно времени и сил, появлялся этот гуайтань и склонял его вкладывать в изображение еще больше усилий, а порой и душу, пока в конце концов... человек не оказывался заперт внутри фотографии, становясь пищей для монстра.

И вот сейчас этот самый гуайтань, некогда игравший на человеческом стремлении к идеальным фото, был доведен до исступления своей требовательной хозяйкой. Фильтры на экране сменялись каждые две-три секунды.

С экрана компьютера непрерывным потоком изливались жалобы и мольбы «Идеальной фотографии», сливаясь в целый океан текста:

[А-а-а-а! Да сколько можно! Эта фотка и так уже шикарная!]

[Я больше не могу, не буду!]

[Съешь меня, а?!]

[Умоляю тебя!!!!]

...

Лань Сысы игнорировала все мольбы «Идеальной фотографии». Убрав за ухо выбившуюся прядь, она очаровательно и мягко улыбнулась, затем отпила глоток горячего молочного чая из стоявшей рядом кружки:

— Закончил? Если закончил, продолжай ретушировать. Я обещала заказчику выслать фото до шести.

[Идеальная фотография:]

[Идеальная фотография: Ведьма! Змея подколотная!]

Но монстр все же был трусоват и по-настоящему перечить гуайтаню уровня Лань Сысы не решался, поэтому, подавив обиду, снова принялся за работу.

В гостиной Шэнь Фу смутно расслышал доносящиеся из кабинета голоса и, не удержавшись, посмотрел на Шэнь Цзялэ:

— Братик, мама ведь ушла работать? Почему из комнаты доносятся голоса?

Шэнь Цзялэ, увлеченный игрой в телефоне, небрежно ответил:

— Наверное, мама сама с собой разговаривает. Она часто так делает, не обращай внимания.

Шэнь Фу:

— ...А, понятно.

Разговаривать сама с собой во время работы... Наверное, это... вполне нормально? Действительно, у многих людей есть такая привычка.

Без одной минуты шесть «Идеальная фотография», работая в бешеном темпе, наконец-то закончила ретушь, наспех упаковала файлы и отправила их Лань Сысы.

Лань Сысы одним нажатием переслала результат заказчику и вскоре получила в ответ целый поток восторженных комплиментов, восхваляющих ее вкус и мастерство.

Одновременно пришла и оставшаяся часть оплаты за заказ.

Увидев поступившие деньги, Лань Сысы, чье лицо сияло нежной белизной, словно нефрит, улыбнулась и, будто даруя высочайшее помилование, произнесла, обращаясь к компьютеру:

— Все, на сегодня работа окончена.

Компьютер, словно получив амнистию, мигнул экраном пару раз и автоматически выключился.

Лань Сысы привела кабинет в обычный вид, убрала компьютер в запирающийся шкаф, после чего открыла дверь и вернулась в гостиную.

В этот момент Шэнь Фу самостоятельно изучал редкие иероглифы, сосредоточенно вчитываясь в каждую черточку; его маленькая головка при этом выглядела очень мило.

По сравнению с ним Шэнь Цзялэ, увлеченно уткнувшийся в телефон, в глазах Лань Сысы выглядел почти преступником.

За последние годы, часто общаясь с людьми, Лань Сысы переняла многие человеческие привычки, даже научилась ворчать на детей точь-в-точь как человеческая мать.

Она подошла к Шэнь Цзялэ и неожиданно произнесла:

— Посмотри на себя, взрослый уже парень, а отец на кухне возится, и ты даже не подумаешь помочь.

Говоря это, Лань Сысы на самом деле не собиралась заставлять Шэнь Цзялэ что-то делать. В глазах родителей дети обычно — беспомощные создания, не способные ни к какой работе. Родители могут ворчать, но на самом деле не ждут от детей помощи.

Шэнь Цзялэ прекрасно это понимал, поэтому что-то невнятно промычал в ответ и продолжил копаться в телефоне.

Лань Сысы, как и ожидалось, больше ничего не сказала и направилась на кухню.

Однако, не успела она сделать и двух шагов, как ее запястье ухватил единственный по-настоящему добросовестный ребенок в семье. Она обернулась и встретилась с чистыми, ясными черными глазами Шэнь Фу.

— Мама, отдохни, я помогу, — с искренностью на лице сказал Шэнь Фу и уже собрался идти на кухню.

От этого зрелища сердце Лань Сысы чуть не растаяло. Когда она пришла в себя, ее глаза и душа светились от улыбки.

— Не нужно, на кухне опасно. Фуфу, просто береги себя, этого достаточно.

Шэнь Цзялэ, услышав это, с трудом приподнял голову с дивана:

— Мам, ты мне совсем не так говорила! Такое предвзятое отношение ранит мою нежную душу, я могу и психом стать!

Лань Сысы холодно усмехнулась:

— Ты еще говоришь о нежной душе? Какой ребенок с нежной душой может несколько лет подряд без зазрения совести сидеть на шее у родителей? К тому же, Фуфу только несколько дней как очнулся, как тебе не стыдно сравнивать себя с ним!

Шэнь Цзялэ:

— ...

Он смущенно втянул голову обратно и снова затих, как дохлая рыба.

Шэнь Фу, увидев такое состояние Шэнь Цзялэ, подумал, что тот действительно расстроился, и поспешил к нему. Осторожно, смягчив голос, он спросил:

— Братик, ты в порядке?

Шэнь Цзялэ, который просто решил немного подурочиться, не ожидал, что младший брат так наивно бросится его утешать. Сердце его смягчилось, и когда он снова поднял голову, лицо его сияло.

— Да это я притворялся, братишка! У меня кожа толстая, иначе как бы я освоил такое

искусство, как сидение на шее у родителей?

Шэнь Фу:

— ...

Кажется, его понимание этого мира снова немного расширилось.

Даже Лань Сысы, привыкшая к выходкам Шэнь Цзялэ, не смогла сдержать легкого недоумения и легонько стукнула его по голове:

— Шэнь Цзялэ, учи младшего брата чему-нибудь хорошему!

Шэнь Шаньхай на кухне отчетливо слышал всю эту суматоху в гостиной. Он высунул голову, чтобы сгладить обстановку:

— Ладно, ладно, не шумите. Еда почти готова. Я сделал побольше тушеной свинины, хочу отнести бабушке Ли наверх. Кто из вас сходит?

Шэнь Шаньхай, конечно, знал о слухах, ходивших по району, будто у Шэнь Фу проблемы с интеллектом, но все никак не находил подходящего момента, чтобы их развеять.

Неожиданно, спустя несколько дней, бабушка Ли сама заступилась за Шэнь Фу, опровергнув эти сплетни. Шэнь Шаньхай был ей очень благодарен и хотел как-то ее отблагодарить.

Однако он понимал, что официально дарить подарки бабушка Ли, скорее всего, постесняется. А вот угостить чем-то вкусеньким – совсем другое дело, от такого соседи обычно не отказываются.

Для пожилой женщины вроде бабушки Ли, которая жила одна и внуки навещали ее только по выходным, готовить свежую еду было хлопотно: пригостишь много – не съешь, все испортится, да и само приготовление – тоже труд. Шэнь Шаньхай как-то предлагал бабушке Ли ужинать у них, но та, боясь их стеснить, вежливо отказалась.

Лань Сысы уже хотела сказать: «Давайте я схожу», как увидела, что Шэнь Фу уже подбежал к кухне и активно поднял руку:

— Я пойду.

В глазах родителей Шэнь Фу сейчас напоминал ребенка, вошедшего в возраст «подай-принеси»: еще ничего толком не умеет, но очень хочет помочь взрослым.

Глядя на Шэнь Фу, который с нетерпением ждал поручения, Шэнь Шаньхай немного засомневался:

— Может, мама с тобой сходит?

Шэнь Фу решительно замотал головой, его глаза были полны твердости:

— Я справлюсь один. Мама очень устает на работе.

Мало того, что во время фотосъемки ей приходится принимать невыносимые позы, так еще и дома она потом одна в комнате разговаривает сама с собой, ретушируя фотографии.

Шэнь Фу хотел как можно больше помогать родным, а также показать им, что он действительно уже не ребенок, что он многое может делать сам, заботиться о себе и даже о них.

Квартира бабушки Ли находилась прямо над ними, всего-то несколько десятков ступенек.

Но члены семьи Шэнь вдруг забеспокоились так, словно Шэнь Фу не просто собирался зайти к соседке наверх, а в одиночку отправлялся в кругосветное путешествие.

Даже Шэнь Цзялэ, валявшийся с телефоном, сел и с тревогой посмотрел на Шэнь Фу, выражение его лица постоянно менялось.

Они все еще видели в Шэнь Фу ребенка.

Но Шэнь Фу не хотел, чтобы о нем постоянно заботились, он тоже хотел заботиться о своей семье.

— Я действительно справлюсь, — настойчиво повторил юноша. — Я не маленький ребенок, я уже взрослый. Многие вещи я могу делать сам.

Шэнь Фу понимал: если он сам не сделает этот шаг, родные еще долго будут считать его ребенком.

Будь Шэнь Фу из тех, кто без зазрения совести лежит на диване, пока родные надрываются, он бы сейчас не торопился делать этот шаг.

Но именно потому, что за последние дни он видел, как тяжело работают его близкие, он так спешил разрушить их представление о себе как о ребенке и хотел помочь им разделить их заботы.

Трое членов семьи Шэнь переглянулись, и в конце концов Лань Сысы, стиснув зубы, приняла решение:

— Хорошо, Фуфу, будь осторожен на лестнице, смотри под ноги. Увидишь бабушку Ли, обязательно поздоровайся. И еще...

Говоря это, голос Лань Сысы дрогнул.

Хотя Шэнь Фу сейчас был ростом метр семьдесят пять и стоял перед ней, возвышаясь на целую голову, ей на мгновение показалось, что он все еще тот малыш, который едва доставал ей до колена, и сегодня она впервые отправляет его с поручением...

Поскольку Шэнь Фу был более замкнутым и немногословным, чем его старший брат Шэнь Цзялэ, она беспокоилась за его первый самостоятельный «выход» гораздо сильнее, чем когда-то за Шэнь Цзялэ. Ей хотелось говорить и говорить, перечислить все возможные проблемы, с которыми он мог столкнуться, и тут же объяснить, как их решить.

Она чувствовала беспокойство и без умолку тараторила, словно у нее был целый ворох слов для Шэнь Фу, который никак не заканчивался.

Но Шэнь Фу все-таки не был четырех-пятилетним ребенком.

Ему было восемнадцать, он вырос высоким и стройным.

Прошлые восемнадцать лет, проведенные во сне, были упущены безвозвратно. Время нельзя повернуть вспять, упущенного не вернуть.

— Как хорошо, Фуфу... ты уже так вырос, — наконец произнесла Лань Сысы.

<http://bllate.org/book/13374/1189754>